

посоветовали не будить лиха. В то время я готовила серию публикаций о подделках в Музее Гетти и не только там, что вряд ли нравилось власти в любой стране. А может быть, он не знал, как лучше ответить на мое письмо, и решил, что легче всего не отвечать вообще. Когда мы случайно встретились год спустя, он принял спонтанное решение. Пустить неблагонадежного западного журналиста в советский музей — шаг более чем рискованный. Может быть, на тот момент для музея уже и наступала другая, постсоветская, эпоха, но она только-только начиналась. Интуиция подсказала Михаилу Борисовичу Пиотровскому, что мне можно доверять, и я безмерно благодарна ему за это решение.

Для меня это стало началом нового этапа в моей жизни. Я написала книгу *Биография Эрмитажа* — в ней прослеживается история великого музея, начиная с Екатерины II до 1990 года. Книга вышла в 1997 году. Затем меня пригласил работать лорд Ротшильд, чтобы я занималась открытием центра «Эрмитаж — Лондон» в Сомерсет-хаус — это выставочное пространство просуществовало семь лет, до 2007 года. В 2003 году я начала издавать музейный журнал и основала британский Клуб друзей Эрмитажа. А эту книгу я решила написать для того, чтобы объяснить самой себе и, хочется надеяться, и другим, что же Михаил Пиотровский сумел сделать для Эрмитажа.

Из сказанного выше можно подумать, что Михаил Борисович и я — друзья. Но это не так. Он не «заводит» друзей, на это у него нет времени. Он не зовет к себе в гости в петербургскую квартиру или на прекрасную дачу в Комарове на побережье Финского залива, которую они построили вместе с женой. Как лицо официальное он посещает и сам устраивает бесконечное количество приемов и торжественных обедов, но его частная жизнь во многом остается территорией, бережно охраняемой от посторонних.

И при этом он человек общительный, жизнерадостный, с превосходным чувством юмора. О том, каким еще он бывает, рассказывает эта книга: прирожденный лидер, новатор и искусный руководитель, который, безусловно, связан со своими семейными корнями, а если смотреть глубже, то и с Россией, которой он всецело и искренне предан.

Итак, приступим...

ИСТОРИЯ ЭРМИТАЖА

Государственный Эрмитаж — самый величественный дар бывшего Советского Союза России и всему миру. После революции 1917 года императорская коллекция и царский Зимний дворец, где сейчас находится музей, стали собственностью советского государства, и после национализации многочисленные шедевры из великолепного собрания царской семьи пополнили коллекцию будущего музея.

Бывают революции, которые разрушают все, что было до них. Бывают и другие — те, что сохраняют ценности прошлого, чтобы продемонстрировать их недопустимую роскошь. К счастью, Россия выбрала второй вариант. Так, величественный Казанский собор в Санкт-Петербурге, прообразом которого послужил собор Святого Петра в Риме, превратили в музей атеизма, добавив несколько экспонатов. Религия оказалась под запретом, но классические здания и сокровища религиозной культуры не пострадали.

Когда в ночь с 25 на 26 октября (7–8 ноября) 1917 года начался штурм Зимнего, Ленин лично направил вооруженный отряд защищать крыло Зимнего дворца, где располагался Эрмитаж. Не пострадали ни здание музея, ни его коллекция.

Своими величайшими шедеврами Эрмитаж обязан династии Романовых, хотя собрание пополнили и многочисленные произведения живописи и декоративного искусства, некогда украшавшие дворцы Строгановых, Юсуповых и других знатных дворянских семей. В 1948 году знаменитые коллекции С. И. Щукина и И. А. Морозова, собиравших импрессионистов и постимпрессионистов, поделили между московским Государственным музеем изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и Эрмитажем.

До революции 1917 года оба промышленника — богатейшие текстильные магнаты — собрали в своих московских особняках великолепные коллекции современной живописи. Сергей Иванович Щукин

Зимний дворец и Дворцовая площадь

был одним из первых в мире коллекционеров, высоко оценившим Матисса и Пикассо. После революции обе коллекции были национализированы, и поначалу щукинский и морозовский особняки, где хранились произведения искусства, были доступны широкой публике. Чуть позднее, в 1922 году, эти коллекции административно объединили в Государственный музей нового западного искусства (ГМНЗИ), а в 1928 году Щукинское собрание перевели в бывший Морозовский особняк на улице Кропоткина. Но даже огромный особняк не мог вместить все шедевры, и уже в начале 1930-х годов картины частично начали убирать в запасники, а частично — передавать в Эрмитаж, который взамен принужден был посылать в Музей изящных искусств в Москве картины старых мастеров. Некоторые произведения отправили в республиканские музеи, а некоторые продали за границу. С началом Великой Отечественной войны картины эвакуировали в Свердловск. В 1944 году их привезли обратно, но ГМНЗИ так и не открылся вновь.

В 1948 году произведения из Щукинской и Морозовской коллекций были заклеены как «рассадник формалистических взглядов и низкопоклонства перед упаднической буржуазной культурой эпохи империализма», и Музей нового западного искусства был ликвидирован. Картины окончательно поделили между собой ГМИИ им. А. С. Пушкина и Эрмитаж. Легенда гласит, что Антонина Изергина, хранитель эрмитажного собрания французского искусства и жена директора Эрмитажа Иосифа Орбели, сказала ему: «Бери все, что сможешь взять», когда он ехал в Москву за произведениями. Орбели брал все, от чего отказывались москвичи.

Так в коллекцию Эрмитажа перекочевали наиболее авангардные произведения. В последующие 60 лет эти произведения постепенно извлекали из запасников и возвращали в экспозиции, и в наше время они стали важнейшей и, возможно, самой популярной ее частью. Эрмитаж считался более передовым музеем, нежели ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве, и при разделе коллекции получил большую часть работ Ма-

Вид с крыши Зимнего дворца

тисса и Пикассо. Картины Матисса *Музыка* и *Танец*, на которых на фоне зеленой травы и синего неба изображены обнаженные фигуры, экспонировались во многих странах и стали визитной карточкой музея.

В бурные 1920-е годы старые культурные институции отмирали, а вместо них появлялись новые. В таких условиях Иосиф Абгарович Орбели — человек выдающихся знаний, огромного обаяния и бурного темперамента (через много лет он стал директором Эрмитажа) — создал в Эрмитаже новый отдел — отдел Востока, собрав воедино образцы восточного искусства, хранившиеся в Эрмитаже, позже присоединив к ним произведения и из других музеев и частных коллекций страны. Уже через десять лет отдел стали называть одним из лучших в Эрмитаже, имея в виду не только собрание, но и работавших там ученых. Сам Орбели, армянин по национальности, так же как Пиотровский, происходил из дворянской семьи. Он не признавал слово «нет» в качестве окончательного ответа.

В 1941 году в музее появился отдел Истории русской культуры. Сначала коллекцию, в которую вошли лучшие образцы столового серебра, фарфора, мебели и произведений искусства из бывших императорских дворцов и национализированных частных коллекций, составили

для Русского музея. Затем ее передали в Музей Революции, который тогда размещался в залах Зимнего дворца, а вскоре — Государственному музею этнографии, который не мог экспонировать коллекцию из-за нехватки выставочных площадей. И, наконец, в 1941 году коллекцию — а это около 200 тысяч единиц хранения, в том числе образцы текстиля, одежды и дорогих предметов из Зимнего дворца, чудом уцелевшие во время революции, — передали в Эрмитаж.

Советская власть всячески поддерживала развитие археологии, переименованной в «историю материальной культуры». С 1934 по 1990 год Эрмитажем руководили три археолога; так он стал ведущим археологическим музеем страны, а археология — главной дисциплиной в четырех подразделениях музея: отделе Востока (учрежден в 1920), отделе Археологии Восточной Европы и Сибири (1930) и отделе Истории русской культуры (1941). В послевоенные годы музей проводил раскопки по всей территории СССР в местах, относящихся к разным историческим периодам — от неолита до Средних веков, и артефакты из археологических экспедиций обогатили музейную коллекцию. Например, древнейший в мире ворсовый ковер, датируемый 400 годом до н. э., был найден на Алтае при раскопках кургана. В условиях высокогорья в захоронении

посоветовали не будить лиха. В то время я готовила серию публикаций о подделках в Музее Гетти и не только там, что вряд ли нравилось власти в любой стране. А может быть, он не знал, как лучше ответить на мое письмо, и решил, что легче всего не отвечать вообще. Когда мы случайно встретились год спустя, он принял спонтанное решение. Пустить неблагонадежного западного журналиста в советский музей — шаг более чем рискованный. Может быть, на тот момент для музея уже и наступала другая, постсоветская, эпоха, но она только-только начиналась. Интуиция подсказала Михаилу Борисовичу Пиотровскому, что мне можно доверять, и я безмерно благодарна ему за это решение.

Для меня это стало началом нового этапа в моей жизни. Я написала книгу *Биография Эрмитажа* — в ней прослеживается история великого музея, начиная с Екатерины II до 1990 года. Книга вышла в 1997 году. Затем меня пригласил работать лорд Ротшильд, чтобы я занималась открытием центра «Эрмитаж — Лондон» в Сомерсет-хаус — это выставочное пространство просуществовало семь лет, до 2007 года. В 2003 году я начала издавать музейный журнал и основала британский Клуб друзей Эрмитажа. А эту книгу я решила написать для того, чтобы объяснить самой себе и, хочется надеяться, и другим, что же Михаил Пиотровский сумел сделать для Эрмитажа.

Из сказанного выше можно подумать, что Михаил Борисович и я — друзья. Но это не так. Он не «заводит» друзей, на это у него нет времени. Он не зовет к себе в гости в петербургскую квартиру или на прекрасную дачу в Комарове на побережье Финского залива, которую они построили вместе с женой. Как лицо официальное он посещает и сам устраивает бесконечное количество приемов и торжественных обедов, но его частная жизнь во многом остается территорией, бережно охраняемой от посторонних.

И при этом он человек общительный, жизнерадостный, с превосходным чувством юмора. О том, каким еще он бывает, рассказывает эта книга: прирожденный лидер, новатор и искусный руководитель, который, безусловно, связан со своими семейными корнями, а если смотреть глубже, то и с Россией, которой он всецело и искренне предан.

Итак, приступим...

ИСТОРИЯ ЭРМИТАЖА

Государственный Эрмитаж — самый величественный дар бывшего Советского Союза России и всему миру. После революции 1917 года императорская коллекция и царский Зимний дворец, где сейчас находится музей, стали собственностью советского государства, и после национализации многочисленные шедевры из великолепного собрания царской семьи пополнили коллекцию будущего музея.

Бывают революции, которые разрушают все, что было до них. Бывают и другие — те, что сохраняют ценности прошлого, чтобы продемонстрировать их недопустимую роскошь. К счастью, Россия выбрала второй вариант. Так, величественный Казанский собор в Санкт-Петербурге, прообразом которого послужил собор Святого Петра в Риме, превратили в музей атеизма, добавив несколько экспонатов. Религия оказалась под запретом, но классические здания и сокровища религиозной культуры не пострадали.

Когда в ночь с 25 на 26 октября (7–8 ноября) 1917 года начался штурм Зимнего, Ленин лично направил вооруженный отряд защищать крыло Зимнего дворца, где располагался Эрмитаж. Не пострадали ни здание музея, ни его коллекция.

Своими величайшими шедеврами Эрмитаж обязан династии Романовых, хотя собрание пополнили и многочисленные произведения живописи и декоративного искусства, некогда украшавшие дворцы Строгановых, Юсуповых и других знатных дворянских семей. В 1948 году знаменитые коллекции С. И. Щукина и И. А. Морозова, собиравших импрессионистов и постимпрессионистов, поделили между московским Государственным музеем изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и Эрмитажем.

До революции 1917 года оба промышленника — богатейшие текстильные магнаты — собрали в своих московских особняках великолепные коллекции современной живописи. Сергей Иванович Щукин

Зимний дворец и Дворцовая площадь

был одним из первых в мире коллекционеров, высоко оценившим Матисса и Пикассо. После революции обе коллекции были национализированы, и поначалу щукинский и морозовский особняки, где хранились произведения искусства, были доступны широкой публике. Чуть позднее, в 1922 году, эти коллекции административно объединили в Государственный музей нового западного искусства (ГМНЗИ), а в 1928 году Щукинское собрание перевели в бывший Морозовский особняк на улице Кропоткина. Но даже огромный особняк не мог вместить все шедевры, и уже в начале 1930-х годов картины частично начали убирать в запасники, а частично — передавать в Эрмитаж, который взамен принужден был посылать в Музей изящных искусств в Москве картины старых мастеров. Некоторые произведения отправили в республиканские музеи, а некоторые продали за границу. С началом Великой Отечественной войны картины эвакуировали в Свердловск. В 1944 году их привезли обратно, но ГМНЗИ так и не открылся вновь.

В 1948 году произведения из Щукинской и Морозовской коллекций были заклеены как «рассадник формалистических взглядов и низкопоклонства перед упаднической буржуазной культурой эпохи империализма», и Музей нового западного искусства был ликвидирован. Картины окончательно поделили между собой ГМИИ им. А. С. Пушкина и Эрмитаж. Легенда гласит, что Антонина Изергина, хранитель эрмитажного собрания французского искусства и жена директора Эрмитажа Иосифа Орбели, сказала ему: «Бери все, что сможешь взять», когда он ехал в Москву за произведениями. Орбели брал все, от чего отказывались москвичи.

Так в коллекцию Эрмитажа перекочевали наиболее авангардные произведения. В последующие 60 лет эти произведения постепенно извлекали из запасников и возвращали в экспозиции, и в наше время они стали важнейшей и, возможно, самой популярной ее частью. Эрмитаж считался более передовым музеем, нежели ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве, и при разделе коллекции получил большую часть работ Ма-

Вид с крыши Зимнего дворца

тисса и Пикассо. Картины Матисса *Музыка* и *Танец*, на которых на фоне зеленой травы и синего неба изображены обнаженные фигуры, экспонировались во многих странах и стали визитной карточкой музея.

В бурные 1920-е годы старые культурные институции отмирали, а вместо них появлялись новые. В таких условиях Иосиф Абгарович Орбели — человек выдающихся знаний, огромного обаяния и бурного темперамента (через много лет он стал директором Эрмитажа) — создал в Эрмитаже новый отдел — отдел Востока, собрав воедино образцы восточного искусства, хранившиеся в Эрмитаже, позже присоединив к ним произведения и из других музеев и частных коллекций страны. Уже через десять лет отдел стали называть одним из лучших в Эрмитаже, имея в виду не только собрание, но и работавших там ученых. Сам Орбели, армянин по национальности, так же как Пиотровский, происходил из дворянской семьи. Он не признавал слово «нет» в качестве окончательного ответа.

В 1941 году в музее появился отдел Истории русской культуры. Сначала коллекцию, в которую вошли лучшие образцы столового серебра, фарфора, мебели и произведений искусства из бывших императорских дворцов и национализированных частных коллекций, составили

для Русского музея. Затем ее передали в Музей Революции, который тогда размещался в залах Зимнего дворца, а вскоре — Государственному музею этнографии, который не мог экспонировать коллекцию из-за нехватки выставочных площадей. И, наконец, в 1941 году коллекцию — а это около 200 тысяч единиц хранения, в том числе образцы текстиля, одежды и дорогих предметов из Зимнего дворца, чудом уцелевшие во время революции, — передали в Эрмитаж.

Советская власть всячески поддерживала развитие археологии, переименованной в «историю материальной культуры». С 1934 по 1990 год Эрмитажем руководили три археолога; так он стал ведущим археологическим музеем страны, а археология — главной дисциплиной в четырех подразделениях музея: отделе Востока (учрежден в 1920), отделе Археологии Восточной Европы и Сибири (1930) и отделе Истории русской культуры (1941). В послевоенные годы музей проводил раскопки по всей территории СССР в местах, относящихся к разным историческим периодам — от неолита до Средних веков, и артефакты из археологических экспедиций обогатили музейную коллекцию. Например, древнейший в мире ворсовый ковер, датируемый 400 годом до н. э., был найден на Алтае при раскопках кургана. В условиях высокогорья в захоронении

Михаил Борисович Пиотровский

под курганом очень низкие температуры позволили тканям, коже и резным деревянным изделиям великолепно сохраниться. На ковре изящные, хоть и поблекшие от времени изображения всадников и оленей, выполненные в красных, желтых и голубых тонах.

Сразу после Второй мировой войны в Германию были отправлены специальные бригады: перед ними стояла задача изымать немецкое промышленное оборудование и предметы искусства в качестве возмещения ущерба, нанесенного фашистскими войсками на территории России. Множество произведений из запасников немецких музеев и частных коллекций, известных сегодня как «трофейное», или перемещенное, искусство, эшелонами отправлялось в Россию. В 1958 году трофеи вернули

музеям ГДР в качестве дружественного жеста. Советский Союз становился все более закрытым пространством, и та часть перемещенного искусства, которая осталась и хранилась в музеях Москвы и Санкт-Петербурга, была окутана атмосферой секретности. Власти приподняли эту завесу только после распада Советского Союза в 1991 году.

Именно тогда стало известно, что в запасниках Эрмитажа хранится великолепная коллекция импрессионистов, впервые представленная в 1995–1996 годах на выставке «Неведомые шедевры», не говоря о других, не менее ценных экспонатах — средневековых витражах, образцах буддистской настенной живописи, изделиях эпохи бронзы... Немецкая сторона по-прежнему стремится вернуть эти сокровища, однако в 1998 году Государственная Дума Российской Федерации приняла закон, по которому перемещенное искусство, хранящееся на территории России, было признано государственной собственностью.

В 1944 году, в разгар военных действий, родился Михаил Борисович Пиотровский. Его отец сначала был младшим научным сотрудником Эрмитажа, затем заместителем директора, а впоследствии директором музея, и в течение 26 лет семья жила в примыкавшем к Эрмитажу так называемом Запасном доме. На вопрос, когда он впервые пришел в Эрмитаж, Михаил Борисович обычно отвечает: «Как только научился ходить». Сегодня квартира Пиотровских, где прошло детство Михаила Борисовича, — одно из помещений архива Эрмитажа. Там же и комната, в которой хранится личный архив его отца. Михаил ходил в детский кружок Эрмитажа и свой первый научный доклад сделал в отделе Востока.

Анри Матисс. Танец, 1910

На какое-то время Михаил все же оставил Эрмитаж: сначала 20-летним он изучал арабский язык в Ленинградском государственном университете, работал в Институте востоковедения Академии наук. Институт, кстати, располагался на набережной Невы в 500 метрах от Эрмитажа. В то же время Пиотровский много ездил по арабским странам — студентом, а после окончания института переводчиком, работал там как ученый.

Судьба снова привела его в Эрмитаж в 1991 году, когда вскоре после смерти отца Михаил был назначен заместителем директора. В 1992 году, с началом эпохи Ельцина, его повысили до директора — Михаилу Пиотровскому было всего 48, и он прекрасно чувствовал реформистский дух того времени. Так он стал четвертым по счету археологом, возглавившим Эрмитаж. (Его предшественник Виталий Александрович Сулов, искусствовед по образованию, продержался на этом посту менее двух лет.) По словам Пиотровского, он связан с музеем почти мистическими узами. «Это Эрмитаж диктует мне, что делать, а не я решаю за Эрмитаж», — любит повторять он.

Уже без малого четверть века он руководит Эрмитажем. Сегодня музей расширился и занимает большую часть зданий на Дворцовой площади: в него вошло восточное крыло здания Главного штаба — величественное строение в стиле классицизма начала XIX века, где когда-то размещались Министерство иностранных дел и Министерство финансов. Таким образом, музей получил более 400 дополнительных помещений, заполнить которые не составило труда. За это время в Старой Деревне, на окраине Санкт-Петербурга, выросли новые здания, где